

**Владимир
ПОЛОЖЕНЦЕВ**

*Дубенский район
Тульской области*

РУССКИЕ. КТО МЫ?

*«Молнии бьют по вершинам».
Это название неоконченного романа писателя
советской эпохи Всеволода Кочетова
привлекло меня точным попаданием сегодня
в самые больные «нервы» русского народа –
физические и нравственные аспекты
его бытия, что запечатлелось
и на моём крестьянском курском роду ...*

Иваны, не помнящие родства, обречены!

Нужна ли самоидентичность нации? Вне сомнения. Вот только русским с этим не очень везёт на протяжении веков, особенно сейчас. На смену «интернациональной общности» граждан, «содружества наций», «великого советского народа» в эпоху СССР пришли после распада социалистического государства «россияне», «граждане многонациональной России». В ходу, особенно у либералов, понятия с оттенком презрения «население», «электорат» вместо достойного определения «народ». И тогда, и сейчас юридическое закрепление статуса русских заменяется терминами «многонациональность», «толерантность», некоей общностью, несмотря на то, что русские не просто составля-

ют (пока!) большинство в России, но и являются определяющими в исторических масштабах.

Об этом совершенно справедливо и без политического лукавства заявил ещё 24 мая 1945 года на кремлёвском приёме Сталин: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа... он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

Но, несмотря на то что определение «русский» значилось в паспортной графе «национальность» в советскую эпоху, именно русскому народу выпала наибольшая тяжесть испытаний не только в СССР, но и во все времена при отсутствии определённого юридического статуса по принадлежности к великой нации. А попытки заявить об этом после распада СССР квалифицировались либеральными экспертами как проявления фашизма, национализма в худших формах.

Сейчас в составе многонациональной России русские наиболее уязвимы в демографическом аспекте, являя собой катастрофически уменьшающийся в численности народ. Лукавая же статистика, говорящая о повороте численности

граждан России в сторону увеличения, основывается на показателях прироста населения в среде мигрантов, национальностей Кавказа, других иноязычных представителей, энергично осваивающих просторы нашего государства.

В чём причины этого? В результате социальных катастроф 90-х годов XX века подорвано национальное самосознание русских, нарушены традиционные семейные устои, вовлечённость на селе труженика в вечный природный круговорот бытия, именно бытия, а не прозябания. С последствиями справиться в полной мере пока не можем. Они, эти последствия, на виду и на слуху...

«Мы были на этой земле...»

К слову о наших, русских, национальных, по Сталину, ясном уме, стойком характере и терпении, к чему Иосиф Виссарионович, а в большей степени жестокая бюрократическая система управления государством добавили немало испытаний и потрясений.

Муж сестры моего деда Татьяны пришёл с Первой мировой войны Георгиевским кавалером. Мой прадед Иван служил на царском флоте, вернулся домой в деревню убеждённым большевиком. Обладая богатырской статью и силой, дерзостью незаурядного характера, ясными для мужиков политическими взглядами, слыл наивысшим авторитетом у односельчан. По указке недоброжелателей был схвачен отступавшими деникинцами в 1919 году и расстрелян вместе с такими же сторонниками советской власти в Белгороде.

В году сплошной коллективизации, в 1930-м, большую русскую семью моей бабушки – Курловых, раскулачили, в чём рьяно, по молодому недомыслию и как активист участвовал её... муж, мой дед.

Основанием стала личная мельница семьи, хотя наемных работников не было, трудились сами от зари до зари.

Курловых в числе таких же «кулацких» семей в лютый мороз погрузили в сани и в насквозь промёрзших «телячьих» вагонах отправили в Казахстан на место нынешней Караганды. По пути в ссылку и на месте, в Карлаге, где помимо раскулаченных содержались политические и уголовники, погибло большинство из семьи бабушки. Сама она больше года не ходила – с горя отнялись ноги. Выжили её брат Николай, прошедший всю Великую Отечественную войну офице-

ром, и сестра Наталья, вышедшая в карагандинской неволе замуж за такого же раскулаченного Калашникова.

Характеры моего деда и бабушки по-новому проявились на войне и в родной оккупированной фашистами деревне в 1941–1942 годах (район враг занимал два раза).

Деду-связисту (жизнь рядового в этом роде войск исчислялась в боях неделями) после страшных боёв под Вязьмой и Ельней ампутировали кисть правой руки. Когда он прибыл на родину, то в крестьянских домах хозяйничали прислужники фашистов финны, бандеровцы, мадьяры. Величие бабушки в эту пору состояло в трёх свершённых ею подвигах, а моей мамы – в одном. Когда финн пытался отобрать у деда добротную обувь, то столкнулся с неповиновением. Сорвал с шеи автомат, но в это время бабушка вцепилась в него, и пока они боролись, подоспел немецкий офицер, прогнавший финна. Кстати, дед в период оккупации помогал местным партизанам.

В самом начале прихода фашистов в деревню в их тылу оказалась горстка бойцов с командиром (около десятка). Мама рассказывала, что командир, призвав: «За Родину! За Сталина!», повёл бойцов в атаку на фашистский пулемёт, который захватчики установили у нашего дома. Все они полегли.

Ночью мама-подросток поползла по снегу мимо фашистских дозоров и собрала с убитых красноармейцев документы, которые потом, после освобождения района, отправила семьям павших.

А когда же при отступлении фашистов запылала вся деревня, бабушка, посадив в сани двух младенцев, своих сыновей, стоя, во весь опор по полю, под пулемётным огнём помчалась по ложбине в хутор к родне, где потом и прожили до весны.

А при возведении нового жилья она надорвалась, уйдя из жизни после войны в 56 лет.

На Великой Отечественной воевал мой отец, его брат, ещё один, Пётр, председатель колхоза, мой дядя, был расстрелян фашистами при оккупации деревни.

Племянник бабушки Иван Курлов в 1942 году семнадцатилетним, приписав себе год, ушёл на фронт. Воевал танкистом. На Курской дуге горел в танке, получив ещё сильнейшую контузию, вытащил из горевшей машины майора. Победу встретил двадцатилетним, седым, с десятком орденов и медалей. Четыре года после войны

служил старшиной в Германии. Война догнала его спустя десяток лет сильнейшей эпилепсией, дикими головными болями. В Харькове, где он жил и работал, после этого от него ушла жена-красавица. Вернулся в родную деревню, одиночество и болезнь глушил водкой. Сошёлся с некрасивой, но доброй женщиной, жил в райцентре. Нелепо погиб, захлебнувшись во дворе в тазу с водой во время припадка.

Другой бабушкин племянник Михаил, младший брат Ивана Курлова, после армейской службы в Туле быстро прошёл путь от секретаря райкома ВЛКСМ до председателя отстававшего колхоза в двадцатипятилетнем возрасте, выведя его в число передовых в области. Закончил свой служебный путь вторым секретарём райкома партии.

Ещё один мой родственник Павел (фамилию его не помню) по прозвищу Туман (любил песню «Ой, туманы мои, растуманы...») почти подростком оказался на фронте, так как был необычайно рослым. Воевал в полковой разведке, брал «языков»; рассказывал дома, что «таскал их десятками, как цыплят». Пришёл с войны со страшной впадиной на лбу от осколочного ранения и без глаза. Работал пастухом.

Племянник деда Сергей, сын Георгиевского кавалера, служил ординарцем у маршала Василия Чуйкова. Работал на донецких шахтах. Изувечен в ходе аварии в забое, стал инвалидом. Светлая память всем упомянутым здесь!

Вот такая самоидентичность русского на основе сильных впечатлений от родных, близких мне людей. Невольно задумался: если помножить это на все семьи России, то явится в сознании вершина национального духа и мемориал павшим, на что следует равняться нам, потомкам русских героев былых времён и просто живших, работавших и страдавших тогда...

Порвалась цепь великая...

А вот итог моей деревенской родословной печален. Деревня, вернее, часть её восьмикилометровой линии, являет собой вместо стоявших тут раньше полусотни жилых домов заброшенные, развалившиеся или полуразрушенные строения с пустыми или заколоченными глазницами окон, заросшие бурьяном бывшие огороды. Жилыми остались несколько усадеб. Племянник моего деда Борис Черников, несмотря на восьмидесятилетний возраст, – в здоровье, ещё бодр и крепок, ведёт личное хозяйство.

Только его сыновья Николай и Александр вконец спились. У Александра была семья – красавица Марина, сельский фельдшер, сын. Нелады в семье породило начавшееся пьянство мужа, его рукоприкладство. Восемилетний сын утонул на водохранилище, купаясь с пьяным отцом. Следом от инсульта скончалась Марина.

Незадачливый семьянин вернулся в отцовский дом, где давно спивается его старший брат Николай, не имеющий семьи. Повезло в этой скорбной жизни среднему брату Владимиру, который прибил к русской переселенке Ольге из Казахстана, овдовевшей уже здесь, в деревне, практичной, рослой, держащей мужа в ежовых рукавицах. Их сын уже взрослый.

А на хуторе Орловка, куда в 1941-м моя бабушка примчала на санях своих детей, спасая из подождённой фашистами деревни, теперь никого, кроме усадьбы местного фермера, у которого дела складываются неважно.

Что ж, видимо, желание быть русскими подорвано. Действительно, как у Некрасова:

«Порвалась цепь великая,

Порвалась, расскочилась...»

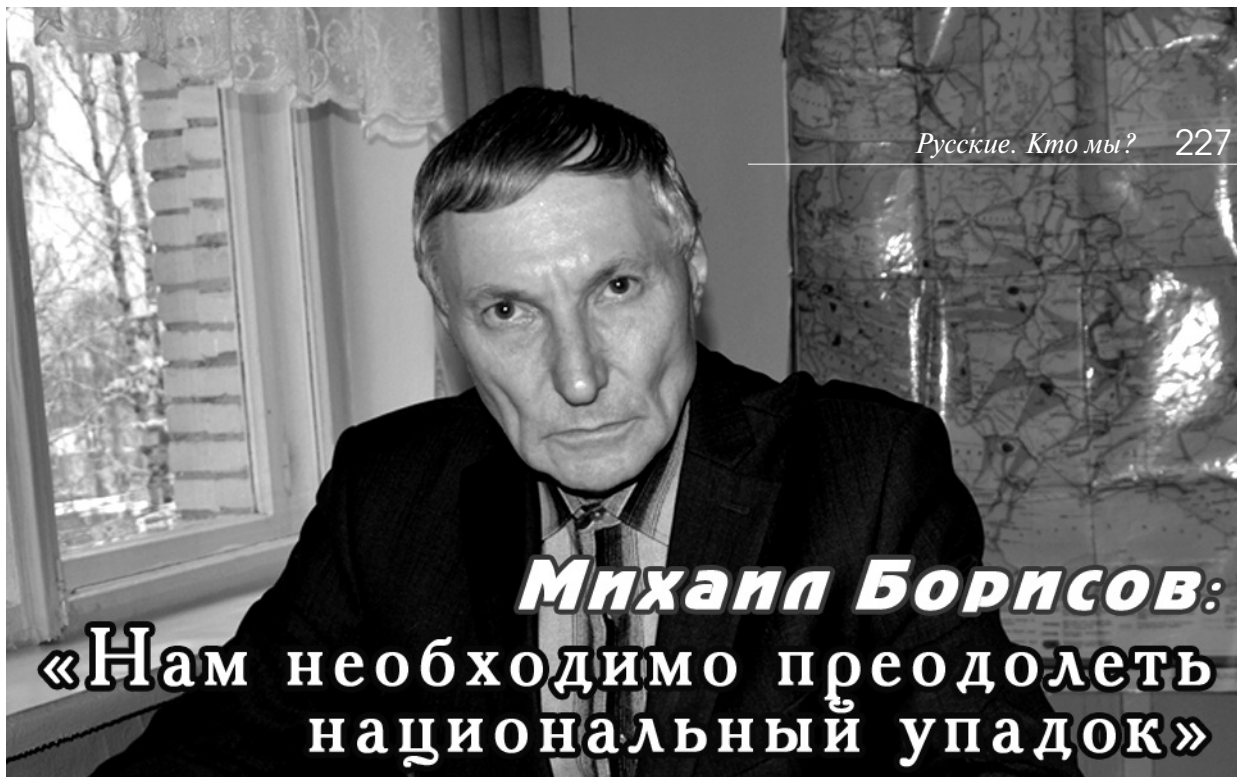
А на исходе своей жизни много испытавший на своём веку писатель Виктор Астафьев горько произнёс: «Мы потеряли народ».

Взгляд на самих себя

В XXI веке вопрос определения и самоопределения русской нации становится, по-видимому, одним из самых насущных, ибо он выражает величие и целостность России в будущем.

Мысль о русской составляющей многонационального российского государства, наверное, впервые в последнее время прозвучала в высказывании президента России Владимира Путина в Астрахани 31 октября 2016 года на заседании Совета по межнациональным отношениям в свете реализации Стратегии государственной национальной политики: «Нужно готовить национальные кадры, которые занимались бы русским языком и литературой». Действительно, не хлебом единым... Основа всему – духовность.

На повестке начала нового века других вопросов и проблем – не перечить. О некоторых из них – в интервью с учителем истории и общественности Михаилом Борисовым, много размышляющим о «русском вопросе», в том числе и в своём районе.

Михаил Борисов: «Нам необходимо преодолеть национальный упадок»

– Михаил Анатольевич, когда вы осознанно восприняли себя русским и что с этим связываете? Что способствовало такому восприятию?

– Впервые это чувство пришло в 6-8 классах, когда я учился в школе, развивалось в процессе чтения художественных и научных книг, изучения специфики разных народов и, естественно, русского. С тех пор постоянно изучаю национальные, расовые проблемы, перечитал много исследований на эту тему.

У меня сложилось устойчивое мнение о национальных, религиозных, цивилизационных проблемах в их тесном единстве.

Осознание себя русским предполагает хорошее знание своей истории. Кто забывает прошлое, тот лишает себя будущего. Каждый человек должен знать как своих героев, так и подонков – представителей своего народа. Ещё для осознания себя русским важно уважение к родной культуре разных эпох. Без этого невозможно выстроить прочный национальный фундамент.

Надо понимать особенность национальных задач, которые стоят перед русским народом на данное время, что ему необходимо сейчас. Существует опасность инерции сознания. Эпоха сменилась, а сознание работает в прежнем режиме, что может оказаться губительным для народа, живущего инерцией национального самосознания.

Мы живём инерцией советской эпохи, и даже дореволюционной, которые пытаемся приложить к современности. А это бесполезно и даже вредно! Мы живём в другой реальности, более тяжёлой и трагичной. Применять рецепты «лечения» нашей жизни, которые выдвигали отечественные прославленные мыслители, философы, писатели прошлого, губительно.

Я с уважением отношусь к Фёдору Достоевскому и Владимиру Соловьёву с их идеей русской всемирной отзывчивости, но если эту идею применить к переживающему упадок русскому народу сейчас, то мы просто исчезнем. Перед нами сегодня стоят другие задачи, связанные с самосохранением нации.

– Каков, на ваш взгляд, масштаб проблемы русских в постсоветском пространстве бывшего СССР? Как вы относитесь к упразднению графы «Национальность» в паспорте?

– Начну со второго. Отношусь к упразднению графы «Национальность» крайне отрицательно. Мы этого не просили, и сделано это было без нашего желания, референдума, опроса. Инициатором упразднения графы в паспорте был в 90-е годы прошлого века советник Бориса Ельцина по национальным вопросам Эмиль Паин.

Графу необходимо вернуть. Каждый русский имеет право позиционировать себя юридически. Существует проблема русских в постсоветс-

ком пространстве двоякого свойства: русские, которые живут в рассеянии в бывших республиках, а теперь странах ближнего зарубежья, и которые живут там же, но компактно и на пограничье. Эти проблемы надо решать по-разному.

Русских, которые живут рассеянно в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, других странах ближнего зарубежья, необходимо переселить на территорию России, если они того желают, и во внеочередном порядке предоставить им российское гражданство. Другого пути в отношении них нет. Мы не имеем права терять миллионы наших соотечественников. А в отношении русских, живущих вне пределов Родины компактно, надо применять автономию.

Показателен пример с русскими на территории нынешнего Казахстана, где президент Нурсултан Назарбаев установил в своё время этнократический режим. Русские там подвергаются дискриминации, большинство постов в чиновничьем аппарате и управлении занимают казахи, хотя представителей русской национальности на момент распада СССР было 39% от всего населения вместе с другими национальностями в Казахстане. Русских и казахов прежде в республике было по 6 миллионов. Теперь же из-за переселения казахов из Монголии, Китая, Афганистана их число в Казахстане возросло до 12 миллионов человек, а русских осталось 3,5 миллиона. Назарбаевское правление сформировало мононациональную страну. И никто его за это не осудил.

Позиция в этом вопросе должна быть другая. В северной территории Казахстана (это южная Сибирь и южное Приуралье), которую большевистский режим Ленина и Сталина подарил Казахстану, проведя идиотскую границу совершенно несправедливо, русские оказались гражданами другого государства, хотя живут на исконно российской земле. Этим русским наше государство должно оказывать поддержку, помогать добиваться автономии, ведь есть же в России национальные республики Татария, Башкортостан и другие. Также и в самопровозглашённых Донецке и Луганске русское население имеет право на автономию.

– Вы, Михаил Анатольевич, учитель истории и обществознания. На чём вы основываете методологию уроков и внеурочных мероприятий при формировании самоидентичности учащихся?

– Подавляющее большинство моих учеников – русские. На них и направлена основная моя работа. Я разбираю мифы, которые сложились в обывательском сознании.

Миф первый. Русских нет. Есть чудовищная смесь славян, финнов, татар. И обычно вспоминают Николая Карамзина: «Поскреби русского – найдёшь татарина». Но историк выплеснул свои эмоции, поскольку сам был потомок крещёных татар.

Я говорю ученикам:

– В 50-е годы XX века велись широкомасштабные антропологические исследования громадного числа русского населения. Поскребли русских – татарина не нашли. Обнаружили другое: на 98% русские – чистые европеоиды, финский субстрат бесследно растворился в славянском море. Это антропологический научный факт, который опровергнуть нельзя, как и математическую формулу.

Миф второй. Украинцы – русские, а мы – дикая смесь финнов, татар и других. С Украины к нам в Тульскую область, в том числе и в Дубну, приезжают ученики с вывихнутыми мозгами, заражённые русофобией.

Приходится говорить, что учёные провели эксперимент и доказали, что в генетическом плане между русскими, украинцами и белорусами никакого различия нет. Мы – единый народ. Ещё говорю, что мы, русские, – очень гомогенны (однородны) в отличие от западноевропейского народа.

Учёными доказано, что на 80% русские имеют одну абсолютно одинаковую гаплогруппу, она передаётся от отца к сыну в хромосоме. Формула гаплогруппы: R1A1 – от отца к сыну в хромосомном наборе. На 80% мы, русские, потомки одного мужчины, жившего примерно 5000 лет назад.

И последнее. Я прошу учеников: «Назовите своё национальное имя». Обычно это ставит их в тупик. Я им говорю: «Мы – великороссы. Так исторически сложилось. Белые русы – белорусы. Малые русы – украинцы. Причём в слове «малые» нет уничижительного смысла. Малый имел смысл: изначальный, первый».

Этот термин взят из Греции. Малая Греция (изначальные колонии) перешла в Великую Грецию. Русь, которая возникла в ходе колонизации, была названа по примеру Греции Великой. Дело не в величии. Смысл в другом. Малая Русь – первая, изначальная, а Великая Русь – новая, колонизованная территория, которую освоили те же самые малые русы, пришедшие с террито-

рии нынешней Украины. Великороссы – констатация факта, это наше национальное имя.

Говорю ученикам, что наш народ в XX веке пережил нелёгкие времена, а до революции наше национальное самосознание было развито плохо, потому что оно подменялось державно-патриотическим, религиозным. Писали: «Русские – православные».

В советское время мы пережили денационализацию. В 20-30-е годы даже к высшей мере наказания приговаривали с формулировкой: «Расстрелян как белогвардеец и патриот».

Патриотизм был объявлен вне закона. А в 40-е годы XX века пришлось к нему вернуться, как и к введению в войсках погон и офицерских званий. Но, тем не менее, из русских людей очень активно делали советских, придавливая национальное самосознание. К концу 80-х годов, по официальным данным, многие русские позиционировали себя не как русские, а как советские. Произошла атрофия национального самосознания.

После распада СССР мы, по сути, должны заново сформировать национальное самосознание.

Ещё я стараюсь на уроках растолковать термины по этому вопросу, поскольку возникает смысловая путаница в понятиях национализм, шовинизм, патриотизм, фашизм. Это разные вещи. Как-то президент Владимир Путин признался: «Мы с Медведевым националисты в лучшем смысле этого слова». В худшем смысле слова «национализм» просто нет, потому что тогда получается шовинизм. Национализм – это

любовь к своему народу: «Я люблю свой народ. Я желаю ему процветания и не хочу, чтобы кто-либо паразитировал на нём. Но я с уважением отношусь к другим народам и считаю, что они тоже имеют право на процветание».

Шовинист: «Я ненавижу другие народы и желаю за их счёт построить благополучие своего. Я не считаю зазорным дискредитировать и угнетать его».

Классические шовинисты – германские националисты. Когда украинские националисты говорят о запрещении русского языка, кричат: «Москаляку на гияяку!», то они – шовинисты.

Патриотизм – это другое. Это Родина, её просторы: «Я люблю свою Россию, русские берёзы, поля!» Но необходим патриотизм не отвлечённый, а национальный, с активным самосознанием.

Нам предстоит самое главное – преодолеть национальный упадок. Мы – демографически угасающий народ, деградирующий по ряду показателей. Русские регионы вымирают. И здесь одним материнским капиталом не обойдёшься...

□

Владимир ПОЛОЖЕНЦЕВ

родился в 1950 году.

Журналист, литературовед.

Окончил Тульский государственный педагогический институт.

С 2005 года – главный редактор газеты «Наследие»

Дубенского района Тульской области.

Круг творческих интересов – писатель Иван Бунин и всё связанное с первым русским Нобелевским лауреатом.

Публикации – в альманахах Тульской, Омской областей, периодике, научных сборниках Тульского педагогического института, Белгородского и Елецкого им. И.А. Бунина государственных университетов, составление с предисловиями избранных произведений Ивана Бунина в Приокском книжном издательстве.

